

Ордуни
Сократ

«Издательские решения»

Ордуни

Сократ / Ордуни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836555-3

В основе всех сюжетов лежат события из милицейской практики автора. Имена персонажей по известным причинам изменены, а любые совпадения следует считать случайными.

ISBN 978-5-44-836555-3

© Ордуни
© Издательские решения

Содержание

Железная леди	6
Табу	9
Плеть	12
Призрак из 90-ых	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сократ Ордуни

© Ордуни, 2017

ISBN 978-5-4483-6555-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Железная леди

Женщины – это не слабый пол, слабый пол – это гнилые доски.

Фаина Раневская

Скажи мне, любезный читатель, что приходит тебе на ум при словах «железная леди»?.. Честно говоря, эта «железная» метафора, при всем уважении к Великобритании и ее 71-ой премьер-министру (упокой, Господи, ее душу), применительно к слабому и прекрасному полу не очень удачна. «Железный Феликс» – другое дело! А вот «железная леди» режет слух... И это неудивительно, ведь железо и женщина, хоть и начинаются с одной и той же буквы, но этим все сходство и заканчивается. А если я скажу «красна девица»? Ну, это совсем другое дело! Позитивные ассоциации налицо! Можно привести с дюжину примеров употребления «красивой» метафоры, и везде речь пойдет о прекрасных русских девушках, женственностью которых, между прочим, восхищается весь мир.

Однако следует заметить, что словосочетание «красна девица» несет и дополнительный смысл. Помимо девичьей красоты и таких женских добродетелей, как застенчивость и скромность, присутствуют и другие качества женской натуры. Какие, спросите вы? Возможно, те самые, которые сделали из дочери бакалейщика выдающегося деятеля британской политики. И в фольклоре «красна девица» предстает не только в роли красавицы и скромницы, но и владелицы, а может, даже повелительницы. Чьи прекрасные очи способны метать молнии, а обычная скалка в нежных, но при этом сильных руках, превращается в довольно-таки весомый «аргумент»! В поэме «Мороз Красный нос» Некрасов пишет:

В игре ее конный не словит,
В беде – не сробеет, – спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Вы только на минуту представьте себе эту картину! Скачущий конь или горящая изба... Я думаю, что поэт несколько не утрировал, и для создания своих литературных персонажей в качестве прототипов использовал образы реальных женщин. А таких на Руси было много. Немало их и в современной России. И, несмотря на своенравие соплеменниц, их в старину любовно называли «красны девицы». Видимо, понимали, что те, определенно неженские качества, так красочно описанные Некрасовым, проявлялись, увы, не от хорошей жизни... «Для вас века, для нас единый час. Мы... держали щит между двух враждебных рас – Монголов и Европы...» – восклицает Александр Блок в стихотворении «Скифы». Поэт Наум Коржавин написал «Вариации из Некрасова», стихи, ставшие продолжением хрестоматийных некрасовских строк:

Но ей бы хотелось другого —
Носить подвенечный наряд...
Но кони – всё скачут и скачут,
А избы – горят и горят...

Я всегда был твердо убежден, что мужские качества характера «предназначены» для решения мужских задач так же, как женские – для женских, и путать их не следует. При этом я, недооценивая слабый пол, смещал акценты в пользу пола сильного. Ведь мог же я, в конце концов, ошибаться? К тому же, даже могучий русский язык, и тот поддерживал мое заблужде-

ние. Ну как можно уравнивать то, что выражено такими диаметрально полярными понятиями, как – сильный пол и слабый? Правда, уже тогда меня удивляло то, что многие дамы, о которых я знал еще со школьной скамьи, были наделены избытком мужских качеств. К примеру, Екатерина Медичи умудрилась учинить «Варфоломеевскую ночь», во время которой за инкомыслие было зверски убито около 30 тысяч человек! А Мария Кюри (Складовская) первой из женщин удостоилась Нобелевской премии, и единственная получила ее дважды... Столько мужского характера, а проявления какие разные! Так вот, все эти и подобные примеры сводили на нет мои представления о женщинах как о слабой половине человечества. Я недоумевал... Единственное, что не противоречило моим представлениям, так это то, что героини те были единичными примерами из далекого прошлого.

И вот однажды судьба свела меня с женщиной, которой удалось поставить пирамиду моих устоявшихся представлений с головы на ноги. Несмотря на то, что с тех пор прошли годы, подробности той встречи до сих пор стоят у меня перед глазами. Много лет назад, будучи еще лейтенантом, я был назначен начальником отделения. Радости моей не было предела: лейтенант – а уже начальник! Новая должность требовала напряжения всех моральных и физических сил, и я с головой погрузился в работу. И тут мне стало известно о предстоящей проверке. Так как она предполагалась в другой службе, я не придавал этому особого значения. Однако напряжение в отделе усиливалось с каждым днем, говорили, что приедет какой-то большой начальник из главного управления. Прямо как в комедии: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор!» Я пытался было узнать о нем, но, увы, тщетно. Прошло две недели. Последние дни и я был словно «на иголках».

Как-то утром я находился в своем кабинете, когда раздался стук в дверь. Молоденькая девушка, сотрудник нашего секретариата, заглянула в комнату и попросила меня зайти к ним. Ее слова, а, главное, растерянный вид, говорили красноречивее любых слов. Приняв невозмутимый вид, я вышел в коридор. Каково же было мое удивление, когда там я увидел стоящую ко мне спиной... женщину, да еще и в штатском! Слегка кашлянув, чтобы привлечь ее внимание, я сделал шаг навстречу; она повернулась: «Здравствуйте! Я – Елена Алексеевна, мне поручено проверить...» Ее голос зазвучал словно симфония, я слушал ее, но почти не слышал слов. Я стоял, замороженный ее чарами, не смея пошевелиться, словно боялся спугнуть это видение. И смотрел, смотрел, смотрел, ошеломленный свалившимися мне на голову ощущениями. Природа щедро наградила ее женскими достоинствами, от которых голова у меня пошла кругом. Строгий костюм скрывал от постороннего глаза прелести ее стройной фигуры, а старательно убранные волосы, элегантные очки и полное отсутствие макияжа создавали особый шарм строгости и пуританства.

Когда проверка закончилась, и «делегация» из управления уехала, я постарался подробнее узнать о ней. Но, кроме того, что она очень строгая, чрезвычайно принципиальная и имеет награды, ничего выяснить не удалось. Однако с тех пор, по работе, нам приходилось часто встречаться. И мы с Еленой Алексеевной стали, если и не друзьями, то уж точно добрыми знакомыми. Относилась она ко мне покровительственно, скорее по-родительски, а не по-приятельски. Мое же отношение к ней было крайне сложным и неоднозначным. Одно могу сказать точно: я ею восхищался! Она была для меня эталоном истинной женственности, не беззащитной и безвольной, не хрупкой и не прочной, а уверенной в собственных силах, но при этом бесконечно изящной. И хотя я и не сторонник безоблачного житья-бытья под женским началом, рядом с ней невольно начинаешь подчиняться ее воле...

Спустя некоторое время мне предложили перейти на другую должность. Прежде чем принять окончательное решение, я решил посоветоваться с Еленой Алексеевной. До сих пор не могу забыть ее последние напутствия. В конце рабочего дня я заглянул к ней. Она сидела за столом и просматривала какие-то бумаги. В кабинете, как всегда, царил идеальный порядок, и даже любая мелочь лежала на своем месте. Увидев меня, она отложила документ в сто-

рону и пригласила сесть. Я поделился с ней новостью. Она отрешенно слушала, потом, словно очнувшись, пристально посмотрела мне в глаза и, приподняв свои очки, тихо произнесла:

– Что я могу тебе сказать... Давать советы все не прочь, не зная, как себе помочь!.. Решение тебе хорошо известно, но, видимо, оно тебя и не устраивает... К сожалению, ничего нового я тебе сказать не могу... да в этом, ты знаешь, и необходимости-то нет... Тут ты и сам разберешься...

Она встала и подошла к окну. На минуту воцарилась тишина, молчала она, молчал и я. Вдруг Елена Алексеевна резко повернулась, подошла ко мне и, первой нарушив молчание, произнесла: – Ведь ты – мужчина! А этим все сказано... – Что? – удивился я. – Мужчина, настоящий мужчина, всегда знает, чего он хочет и как этого добиться... Правда, все это так, пока дело не касается любви... Женской любви остерегайся больше всего на свете! Она впервые говорила загадками.

– Для мужчины женщина – это загадка, и все его потуги разгадать ее тщетны. Как говорят итальянцы, я знаю, что это такое, только не просите меня объяснить. Мы восхваляем мужскую скромность, но на дух не переносим зануд и тихонь. Мы жаждем подвига, отваги, мужества, но сторонимся грубиянов и мужланов. Мы восхищаемся воспитанием, образованием и умом, но не терпим маменькиных сыночков и «ботаников». Мы мечтаем о рыцарях на боевых конях, но ненавидим... войну. Шекспир восклицал: «Непостоянство – имя твое, женщина!» А я бы назвала иначе: Антиномия! Женский ум противоречив и изощрен! И если, когда-нибудь из уст любимой услышишь, что ты самый умный или лучший, значит, второго дурака ей не найти... Тут она остановилась и таинственно произнесла:

– Скажу тебе по секрету: если бы мужчины знали, что на уме у женщин, они были бы куда смелее... Вся наша сила – в ваших слабостях... На последних словах ее голос дрогнул, она улыбнулась какой-то несвойственной ей улыбкой, слишком нежной, а из ее серых пронизательных глаз заструился мягкий свет. Во взгляде ее не было привычной властности и строгости. В этот самый момент мне показалось, что она совсем другая... Та, что сама нуждается в защите и покровительстве, в сильном плече, о котором грезит прекрасный пол и познать которое ей, видимо, было не суждено...

– Скажу тебе по секрету: если бы мужчины знали, что на уме у женщин, они были бы куда смелее... Вся наша сила – в ваших слабостях... На последних словах ее голос дрогнул, она улыбнулась какой-то несвойственной ей улыбкой, слишком нежной, а из ее серых пронизательных глаз заструился мягкий свет. Во взгляде ее не было привычной властности и строгости. В этот самый момент мне показалось, что она совсем другая... Та, что сама нуждается в защите и покровительстве, в сильном плече, о котором грезит прекрасный пол и познать которое ей, видимо, было не суждено...

Возможно, все это мне лишь показалось – но маска «железной леди» на миг дрогнула на прекрасном лице Елены Алексеевны. То ли ей стало жаль себя, то ли она просто устала быть сильной, то ли... К сожалению, загадочная незнакомка за маской так и осталась для меня тайной, и пусть мы были не в Венеции, карнавальным «этикет», царящий повсюду, неумолимо диктовал свои правила...

Я поблагодарил Елену Алексеевну, попрощался и вышел. Но увидеться вновь нам было уже не суждено. Ее не стало... Она ушла... ушла в лучший мир... Ее тяжелая маска, наконец, пала, и таинственная незнакомка, призванная Всевышним на карнавал истины и света, устремилась навстречу своему Спасителю...

Табу

*Сделайте так, чтобы наказание за проступок было не вне,
а внутри виновного – и вы дойдете до идеала нравственного воспитания.*

Академик Пирогов

Даже спустя годы, я не могу позабыть один эпизод, произошедший со мной много лет назад. В то время я проходил стажировку в городском отделе милиции. Дело было летом. Который день стояла сильная жара, и даже поздним вечером было невыносимо душно. Рабочий день давно закончился. Тем не менее, я находился в опорном пункте милиции, где в ожидании возвращения своего наставника, штудировал нормативные документы. В опорном царила благодатная прохлада: кабинет находился на первом этаже сталинки, на северной стороне, и даже в разгар лета температура воздуха редко поднималась выше двадцати пяти градусов! Около десяти вечера зазвонил телефон. Я поспешно поднял трубку. – Алло, милиция? – женщина не дала мне возможности даже представиться. – Евгений Алексеевич, вы у себя? Я сейчас к вам приду... Слышите? Алло!

Я... сейчас приду... мне очень надо, – ее возбужденный голос срывался. На этих словах женщина бросила трубку. Послышались короткие гудки. Я, недолго думая, решил выйти на улицу и там дожидаться посетительницу. Не прошло и пяти минут, как ко мне подбежала запыхавшаяся женщина. Ее волосы были растрепаны, на лице – синяк... Бедняжка, плача навзрыд, обратилась ко мне: – Где, где Евгений Алексеевич? – Ушел в отдел, скоро будет, – ответил я. – Он, он недавно из армии... Вы понимаете? Его девушка бросила. Девушка... Громко сказано! Дрянь гуляющая! – не унималась она. – А он, дурень... Да разве я с ним слажу? Вырастила амбала на свою голову... Впрочем, оба хороши, но я-то здесь при чем?! – тараторила взбудораженная гражданка. Из обрушившегося на меня словесного потока стало ясно, что женщина попала под горячую руку своего сыночка, здоровенного детины. Парень недавно вернулся из армии и, узнав, что его бросила девушка, с горя и запил. Правда, к тому времени изменщицы и след простыл, а все синяки и «шишки» достались несчастной матери. – Идемте, бога ради! Идемте, а то он что-нибудь натворит, – торопила меня потерпевшая.

Она немного успокоилась и решила не дожидаться Евгения Алексеевича, избрав в качестве своего покровителя... меня. Ситуация требовала незамедлительных действий, надо было помочь попавшей в беду женщине. Она поспешно повела меня в соседний дом, где мирно проживала до того, как ее сын не пал жертвой «стрел любви» Купидона.

Итак, через несколько минут мы оказались в самом центре событий. Здесь, должен вам признаться, что из самых благих побуждений я нарушил известное милицейское табу: никогда никуда одному в период стажировки не ходить! Не зря говорят, что дорога в ад вымощена благими намерениями... В кухне коммунальной квартиры, куда мы пришли, за столом полусидел-полулежал голый по пояс молодой человек. В руке он держал бутылку водки...

Несмотря на «принятые градусы», дембель, видимо, сообразил, кто перед ним. Тем не менее, будучи застигнутым на месте преступления, негодник никак не отреагировал на появление представителя власти. Он не переставал материться, а затем, наверное, с целью самоутверждения, встал во весь рост и принял угрожающую позу. Ни уговоры возмущенных соседей, ни слезы несчастной матери на него не действовали, а мое требование пройти в опорный пункт и вовсе было проигнорировано. Не подействовало и предупреждение о применении спецсредств. Я медлил... И тут здоровяк, смекнув, что имеет дело с новичком, повел себя и вовсе воинственно. А дело-то было на общей кухне! Кругом плошки да ложки, ножи да вилки! Но больше всего меня беспокоил топор, лежавший в углу. Правда, мои опасения реализовались частично, и вместо тесака в руках у дебошира оказался всего лишь предмет сер-

вировки... Я заворуженно смотрел на блестящее лезвие, перебирая в памяти все известные мне приемы самообороны. Совершенно некстати в голове промелькнули фрагменты из фильма «Кулак ярости» с легендарным Брюсом Ли, где даже острый, как бритва, самурайский меч не помог врагу одолеть именитого мастера кунг-фу. В моем же случае был обычный кухонный нож, который вообще трудно назвать грозным оружием. Тем не менее опасность была вполне реальной: нож есть нож! А маленький «дракон», ловко уворачивавшийся от ударов, былого восторга уже не вызвал. От волнения на лбу у меня выступил холодный пот. Положение было настолько серьезным, что выйди ситуация «из-под контроля», и дембеля ждали бы долгие годы заключения, а меня... Однако, несмотря на сложность ситуации, я прекрасно понимал, что это был не поединок. Передо мной стоял не враг, а один из жителей участка, где мне еще только предстояло работать. Есть много способов нейтрализовать противника (все-таки учеба в школе милиции не прошла даром), но я не хотел прибегать к крайним мерам. А парень тем временем стоял, монотонно покачиваясь из стороны в сторону. С него ручейками стекал пот и капал на невымытый дощатый пол. «Чего медлит?» – никак не мог взять я в толк.

Водка, вытекшая из опрокинутой бутылки, успела образовать на полу лужу. Лохматый котенок, смахивающий на щенка, как и люди изнывавший от жары, бросился было полакать водицы, но резкий запах спирта напрочь отбил у него охоту пить. На стене у самого потолка деловито копошился огромный паук, плетя свою паутину на погибель беспечной мошкар.

«Вот влип в историю! Может, и не суждено мне выбраться из этой передраги?» – промелькнуло у меня в голове. Парень продолжал стоять, сжимая в руке нож. Для меня время как бы остановилось. И только раздавшийся откуда-то сзади пронзительный женский вопль: «Помогите: убивают!» – вернул меня к действительности. Где-то заплакал ребенок. Мой взгляд остановился на швабре, стоявшей у двери. «Швабра, так швабра... Эх, был бы сейчас ствол», – подумал я и тут же вспомнил слова своего наставника: «Запомни, пуля – дура! Безусловно, закон разрешает применение огнестрельного оружия для защиты от посягательств, сопряженных с насилием, опасным для жизни или здоровья. Но, во-первых, как правило, объективно оценить степень опасности крайне сложно, а во-вторых, вокруг обычно люди. А если в нужный момент дрогнет рука и промахнешься? А если убьешь, вместо того чтобы ранить? А если пуля ненароком отрекошетит, и пострадают невинные? Да мало ли какие «если» могут возникнуть!.. А было ли посягательство опасным для жизни или нет, станет ясно уже потом, в ходе следствия, как говорится, постфактум, когда эксперту-криминалисту придется осматривать труп...»

Хорошо, если злодея... Да и как так запросто выстрелить в человека?!.. Ты ведь не в тире и даже не на задержании! А вчерашний хулиган на следующий день протрезвеет и придет просить у тебя прощения... Что скажешь?.. Абсолютно плохих людей нет в принципе, как и абсолютно хороших. Ты имеешь дело, в первую очередь, с бытовой преступностью... это понимать надо! Она, как бы это тебе сказать, особенная что ли... А участковый – это не просто милиционер, он универсальный сотрудник МВД! Он пользуется правами и гаишника, и патрульного, и следователя, и опера, и все это для того, чтобы обеспечить правопорядок на участке. Скажу больше: настоящий участковый как «верховный судья» на своем участке! Но запомни: прав без обязанностей не бывает! И знай: большая власть – большая ответственность! Вот тебе и «да ну-у»... Так что оружие – на самый крайний случай!» Итак, передо мной с ножом в руке стоял, слегка покачиваясь, мужчина ростом под метр девяносто, весьма плотного телосложения, с осоловевшими глазами; а за мной были беззащитные женщины и дети... От ножа зависела, возможно, моя жизнь, а от мнения людей – нечто более важное: авторитет сотрудника милиции. Ситуация, поверьте, непростая. Это в кино все просто и красиво, а в жизни – намного сложнее и прозаичнее... Не знаю, чем бы тот инцидент закончился, кто кого бы «перестоял», если б не появился мой наставник. Люди о нем говорили, что «без его санкции» ни одна муха не пролетала на участке!» А тут такое! Интуиция не подвела бывалого майора и на этот раз.

Он всегда приходил вовремя. Как потом выяснилось, вернувшись в опорный и не застав там меня, он сразу же понял, что к чему, и вычислил «место происшествия».

Громовой походкой, чеканя шаг, он уверенно вошел в кухню. При одном его появлении у меня словно гора с плеч свалилась! Завидев участкового, все моментально притихли, даже плач ребенка на время прекратился. Несмотря на тишину, напряжение, царившее на кухне, никуда не делось, оно словно перешло в другое состояние и будто бы пудовой гирей повисло где-то в воздухе. Майор молча, жестом, велел мне выйти, дав ясно понять, что моя миссия закончена. Но почему-то у меня возникло странное ощущение, что этим вечер не закончится и предстоит очень тяжелый разговор с шефом. Однако, несмотря на ожидание заслуженного нагоняя, я был невероятно рад появлению наставника. Молодчик же, увидев его, замялся, скукожился. Я оторопел! Такой мгновенной перемены я просто не ожидал! Как если бы сущий дьявол прямо на глазах превратился... в кроткого агнца. У меня сложилось такое ощущение, что он даже стал меньше ростом и только и делал, что искал глазами место, куда можно было бы спрятаться от пристального взгляда майора. Старший участковый, коренастый мужчина средних лет, спортивного телосложения, с военной выправкой, стоял, словно изваяние, и пронзительным взглядом «сверлил» вчерашнего сорванца.

Оценив ситуацию, переминаясь с ноги на ногу и пряча нож за спину, дебошир тихо произнес: – Прости, дядя Женья... Он, видимо, сразу протрезвел и пылал уже не столько от алкоголя, сколько от стыда. В его голосе не было ни злобы, ни ненависти, ни агрессии, лишь замешательство, смущение и даже почтение! Понуриив голову, дембель положил нож на стол и виноватой походкой пошел следом за нами.

Мудрый Эсхил говорил, что «часто убеждение бывает действеннее, чем сила!» А в данном случае одно лишь присутствие оказалось достаточным... Не побоюсь громких слов, но Евгений Алексеевич был настоящим заступником слабых и обиженных «на гектаре», – так в шутку он называл свой административный участок. И основным его оружием было мудрое слово, а отнюдь не пистолет. Правда, в случае необходимости он с легкостью менял тактику психологического воздействия на приемы рукопашного боя, которыми, кстати, мастерски владел. На участке о нем ходили легенды! К примеру, как-то в лихие 90-е он в одиночку уложил на асфальт лицами вниз нескольких подвыпивших братков, затеявших драку. Больше десяти лет прошло с тех пор, как мой наставник ушел на повышение, однако его бывшие «подопечные»: как законопослушные граждане, так и те, кто имел за плечами не по одной ходке, – по сей день помнят его... Не секрет, что руководство МВД уделяет большое внимание уважительному и корректному отношению сотрудников полиции к гражданам. И задача эта насколько важна, настолько и трудна. Ведь общаться приходится с разными людьми, в том числе и такими, как наш «кухонный герой»... Недостаточно уважать самому, важно чтобы уважали и тебя!.. И эту истину я познал, работая под началом Евгения Алексеевича. А для того, чтобы оценить всю глубину профессионализма этого человека, потребовались годы. Что же касается того инцидента с дембелем, наставник ругать меня не стал, сказал, что я правильно сделал, что пришел на помощь. «А как же «табу?» – удивился я. «А как же долг?» – улыбнулся мне наставник.

Плеть

*Если тебя лягнул осел,
не отвечай ему тем же.
Плутарх*

– Чего ломитесь? Как будто вас здесь ждут!

Из-за двери послышался заспанный женский голос. – Открывайте: милиция, – ответил я дежурной фразой. Дверь открыла молодая женщина и недовольно спросила:

– Чего надо? Вы бы еще ночью пришли!

– Я ваш участковый. Пришел по вызову. Представьтесь, пожалуйста.

– Ну, Тамара я, дальше что?

– Что у вас произошло?

– Ничего... хорошего.

Ей было лет тридцать или около того, на ней был халат и мягкие тапочки. Опухлое лицо да перегар свидетельствовали о ночных возлияниях.

– Меня интересует причина вызова милиции.

– Послушайте, товарищ милиционер, или как вас там, у меня нет ни времени, ни желания точить с вами лясы. Так что до свидания, – она стала закрывать дверь.

– Минуточку, гражданка, не так скоро, – остановил я ее. – Мне надо вас опросить...

– Ну, надо – так опрашивай, мне то что!

Она снова попыталась закрыть дверь.

– Вы меня не поняли, опрос – это когда вы говорите, а я записываю. – О, Господи, дадут мне сегодня поспать!.. Черт с тобой, опрашивай.

– Зачем вы вызвали милицию?

– А тебе какое дело?

– Повторяю свой вопрос: зачем...

– Ладно, чего заладил, чай, не дура... Надо было, раз вызвала...

– И зачем же?

– А ты уверен, что хочешь знать?

– Гражданка... – начал, было, я, но она не дала мне закончить.

– На, любуйся...

С этими словами она развела полы халата в стороны... Я оторопел.

– Видал? Проткнули меня малость... – сказала она, показывая пальцем на порез чуть выше пупка.

– Прикройтесь, вам не стыдно!

– Стыдно, у кого видно!..

– Что с вами стряслось?

– Ничего говорить не буду, заяв подавать не буду, показаний давать не буду! А тебе показала... так ты сам напросился. А впрочем, у меня все хорошо.

– Мне не понятен ваш настрой. Если у вас все хорошо, зачем надо было милицию вызывать, отрывать людей?..

– Я посмотрю, когда тебя резать будут, как ты запоешь. И потом, не больно вы и перетрудились...

– Не надо грубить, это вас не красит. Кто вас порезал?

– Конь в пальто! Ничего не было, ничего я тебе не показывала, тебе все это привиделось...

– Не хотите говорить мне, так расскажете в другом месте. Получается, что вы сделали ложный вызов спецслужб...

– Каких еще спецслужб?

– Милицию! Я буду вынужден подать рапорт...

– Не дури, начальник! Какой еще рапорт! Одни твои слова. А что видел меня голой... Ну, так кто ж тебе поверит? А будешь упираться, так вообще скажу, что ты ко мне приставал... Так что опрашивай и ступай восвояси.

– Гражданка...

– Послушай, мент, а может, лучше ты зайдешь ко мне, там и поговорим. Я тебя чаем попотчую, а может, чего покрепче предложу? А?

Годы работы в службе участковых вырабатывают в тебе такую выдержку, которая доступна не многим. Куда проще было бы плюнуть, развернуться и уйти, однако легкие пути редко бывает верными. И особенно, если ты участковый! Люди разные, и к каждому нужен свой подход.

– Вы, как я погляжу, настроены фривольно. Мне не до шуток. Одевайтесь и пройдемте в участок. На слове «участок» лицо ее изменилось, она настороженно посмотрела и как-то подозрительно покорно сказала:

– Хорошо. Только переоденусь... – после чего закрыла за собой дверь. В какой-то момент я подумал, что она больше не выйдет. Однако она сдержала слово, и вскоре мы были в опорном пункте.

– Итак, ваше семейное положение? – начал я опрос.

– Замужем я.

– Дети есть?

– Только их и не хватало.

– С кем поссорились?

– Известное дело с кем: с мужем, будь он трижды неладен!

– Так, значит, это он вас?

– Что он?

– Как что, порезал...

– Кого порезал? Меня? Вздор! И откуда вы это взяли?

– Хорошо, чем занимается ваш муж?

– На нервах моих играет.

– Вы ведь не ребенок, ведите себя серьезно!

– А чего вы к мужу моему пристали? Дался он вам... Говорю же: ни при чем! Дайте, в конце концов, бумагу, я все напишу...

Я дал ей чистый лист, ручку, и она стала писать. Удивительное дело, пока бумага не марана, она всего лишь бумага, но стоит на ней написать нужные слова – и это уже документ! От него людские судьбы зависят...

Закончив, она огляделась и с явным удивлением посмотрела на меня.

– Что это все значит?

– Что всё?

– А всё! Это не участок, а выставка какая-то! Прямо пансион благородных... ментов! Картинки у тебя здесь какие-то, чистота всюду, порядок... Непорядок!

– Я вас не понимаю!

– А чего тут понимать? Атмосфера здесь неподходящая, совсем неподходящая...

– А что вам не нравится? Живопись положительно влияет на человека, в частности, снижает уровень страха или беспокойства.

– Нет, несерьезно все это как-то... совсем несерьезно. А уровень страха не снижать, а повышать нужно... Без него никуда!

Она замолчала, достала из сумки сигареты и хотела закурить.

– Здесь не курят.

– Ну, говорю же – пансион! Курить здесь, видите ли, нельзя! Даже в самолетах пепельницы предусмотрены! Чего еще здесь нельзя? Наверное, ругаться матом? Угадала?

– Само собой разумеется.

– Вот ты... ты с кем работаешь? С кем дело имеешь? С профессорами, может, с академиками или с уголовниками да проходимцами всякими?.. Это милиция!

– И что, что милиция?

– А то, что бояться должны, тогда и уважать будут. Некоторые так только язык силы и понимают...

– Часто убеждение бывает действеннее, чем сила. А что касается уважения, то, для начала прекратите... тыкать.

– Нет, мне здесь и слова не дадут сказать!..

– Почему же – говорите.

– Вот это кто, например? – спросила она, меняя тему и тыкая пальцем в репродукцию, висящую на стене. С холста на женщину укоризненно взирал первый министр внутренних дел.

– Это Кочубей... – начал, было, я отвечать на вопрос, но она не дала досказать.

– Можешь не отвечать, это совершенно не важно. Сюда если и следовало чего повесить, так это... хорошую плетть.

– Что?

– То, что слышал: плетть. И каждый негодяй будет поглядывать на нее и все свои грешки в душе перебирать. Все вспомнит: и чего делал, и чего не делал...

– Здесь бывают разные люди. В человеке плохое и хорошее уживаются удивительным образом. Вот, например, вы...

– А что я?

– Я уверен, что в вас хорошего намного больше.

– Интересно, откуда такая уверенность? Ты меня знаешь всего ничего, а говоришь...

– Все плохое в людях привнесено обстоятельствами, извне, так сказать, и очень непрочное.

А вот хорошее – это...

– А это кого казнят? – снова спросила она, разглядывая другую картину.

– Какая вам разница, это же неважно...

– Не скажи, эта вот поуместней будет... Казнь все-таки! Кого?

– Степана Разина...

– Вот оно что! Ишь ты, музей здесь устроил! И потом, а почему нигде нет окурков?

– Каких еще окурков? – удивился я.

– Каких, каких! Самых обыкновенных, тех, что бычками называются...

– Вы понимаете, что говорите?

– Значит, не куришь... Плохо! Кто не курит и не пьет, тот...

– Гражданка, прекратите паясничать.

– Не нравится? Вот ты говоришь, что я тыкаю. Встречный вопрос: почему ты выкаешь? Меня все эти телячьи нежности нервируют, знаю, что все это притворство и лицемерие... – она замолчала. – Показуха, одним словом. А на деле...

– А что на деле?

– Ничего, проехали...

– Вас что, кто-то обидел? В ваших словах много грубости, а в душе – злоба и тоска...

– Какое дело тебе до моей души? Может, ее вообще нет! Уже нет...

Она снова взялась за сигарету.

– Как-то нас, девчонок молоденьких, менты загребли... Мы тогда из села приехали, поступать хотели... Дурехи! Не знаю, может, нас за путан приняли, может... Не знаю... Короче,

доставили всех нас в участок. Этот участок я на всю жизнь запомнила... Стоим, мнемся, а там накурено, как в аду!!! И везде окурки, окурки... В пепельнице, на столе и даже на полу... Нам, дурам, все хихоньки да хахоньки... Глянь, а там на стене висит плеть... черная такая, крученая... настоящая плеть. Точно такая у нас в деревне на конюшне была, лошадей стегать...

Она замолчала, потом стала нервно вертеть в руках сигарету.

– Курите, если неможете...

Она закурила, сделав глубокую затяжку, после чего затушила сигарету.

– С тех самых пор у меня нет души... умерла она, зато сердце ожесточилось, – наконец, произнесла она. – А сюда пришла – проверить: может, и у вас тут плеть имеется... А тут на тебе – батюшки, пансион!

– Если вас лягнул осел, не стоит отвечать ему тем же. Если вас кто-то обидел, это не повод мстить всему миру.

– Повод! Еще какой повод! Теперь я всех ненавижу! Хотите правду?

– Ну, говорите.

– Будь у меня возможность, я превратила бы всех вас в муравьев, а потом раздавила.

– Обидеть – дело не хитрое, лучше подумайте над тем, что, если желаешь превратить кого-то в муравья, значит, уже сама в него превратилась... Мечтая о мести, ты становишься вровень со своим врагом, а, прощая, превосходишь его. Ну, а если простить вы пока не в силах, просто забудьте...

– Я не злопамятная... просто злая я, да память у меня хорошая.

– Память здесь ни при чем...

– А что при чем?

– Вы знаете, чтобы доказать чью-либо вину в преступлении, нужно доказать, что преступник мог поступить иначе... В народе говорят, что обстоятельства выше нас. И порой мы не в силах не сделать того, что делаем... Даже те, кто совершил самые ужасные преступления, когда-то были невинными детьми. Но эти дети росли во взрослом мире... Они тоже ссорились, как и взрослые, обижали друг друга и обижались сами. Им было с кого брать пример... Они выросли, выросли и их обиды, они росли, обиды тоже росли. Мы все полны обид, мы идем по жизни с грузом обид, с тяжелым бременем, и за нами тянется их длинный шлейф. Кого-то обидели мы, кто-то обидел нас, обиды копятся, делая нас хуже, отравляя, ожесточая, оскверняя. Чем мы старше, тем их шлейф длиннее, а мы хуже... Обиды слепят нас и искушают на новые. Несмотря на то, что их нельзя увидеть, мы их очень остро чувствуем. Мы живем в атмосфере обид, и порой они страшными ливнями войн и междоусобиц обрушиваются на наши головы...

– Да вам адвокатом работать!

– Участковый – это и адвокат, и прокурор, и в какой-то мере судья в одном лице.

– Я вижу...

– Плохо не только вам, у каждого своя беда. Только она не всегда видна... Бывает, посмотрит кто на кого со стороны – обзавидуется! Только забывает завистник, что внешность-то обманчива, и порой на душе кошки скребут, или того хуже – хоть в петлю лезь... Странно, но когда плохо не только тебе одному, становится легче. Так уж устроен человек... Те, кто тебя обидел, достойны не столько мести, сколько жалости. Они уже наказаны судьбой, и что им пришлось пережить, ведомо лишь им. Не зря Христос, умирая, просил пощады для своих палачей: «Отец, прости их, ибо не ведают они, что творят». Возможно, и тебе это знание принесет облегчение. Но чтобы стать по-настоящему счастливой, нужно научиться радоваться не чужому горю, а чужой радости... Это очень и очень непросто! Но других путей к счастью нет.

– Прости... те меня.

– Не стоит... Заявление писать не надумали?

– Незачем, я сама во всем виновата... Мужа обидела, вот и вас ни за что обидела...

– Род человеческий един, и часто за грехи одних ответ несут совсем другие...

– Знаете, возможно, это я сама себя ткнула... может, по-пьяни, может, сдуру, может, чтоб мужа напугать, а может, попросту жизнь потеряла смысл...

– Смысл жизни придают дети, и, если ваш дом не наполняют детские голоса, его наполнят ругань и грызня... Подумайте над этим.

– Вот! – она протянула мне лист, где написала, что травму получила по собственной вине и в помощи милиции не нуждается. – Простите, что отняла ваше время... Спасибо... И еще... я тут... ну, это... в общем, у вас здесь очень красиво.

Призрак из 90-ых

*Смерть – это не самое худшее, что
может произойти с человеком.*

Платон

Было это в городе N в начале девяностых, когда я был еще студентом юрфака. Как-то летом на оживленный рынок заехала вишневая девятка, из открытых окон которой наружу рвалась оглушительная музыка. Хриплый мужской голос пел что-то о Колыме, о тайге, о тяжелой доле... Из машины вышли двое молодых мужчин. Образ одного из них надолго запечатлелся в моей памяти: высокий, широкоплечий, с густой шевелюрой и весь в наколках. На лице у него виднелся глубокий шрам, тянувшийся от глаза до самого подбородка. В его движениях чувствовались уверенность и высокомерие. На окружающих он смотрел свысока, с пренебрежением, здоровался легким кивком. Его облик, манера поведения определенно выдавали в нем представителя криминального мира.

Прошло двадцать лет. О том эпизоде я совершенно позабыл. Как-то поздним вечером, когда я собирался уходить домой, позвонил дежурный. Он попросил меня установить личность одного задержанного, у которого при себе не было никаких документов. К тому же ситуация осложнялась тем, что он «играл в молчанку». Перекинувшись с дежурным парой слов, я направился к камере предварительного заключения. Массивная с засовом и смотровым глазком дверь отворилась, и из камеры вывели мужчину. Изможденный, угрюмый человек лет пятидесяти смотрел куда-то в сторону и меня словно не замечал. Но его шрам на пол-лица сразу же привлек мое внимание.

«Неужели он?! Да, видимо, он...» – в памяти возникли смутные воспоминания. В моем распоряжении было менее трех часов, и задержанный прекрасно об этом знал. Я стал выяснять его имя, однако мужчина, сидевший напротив меня, молчал, делая вид, что все происходящее его не касается. – Ладно, черт с вами, не хотите говорить – не надо... – сказал я, решив подойти к проблеме с другой стороны. – Ответьте мне хотя бы на один вопрос: бывали ли вы в городе N?

Мой вопрос, видимо, обескуражил его. Мужчина поднял голову и подозрительно посмотрел на меня. Его лицо искривила гримаса – слабое подобие улыбки.

– Давай без понтов, начальник, – произнес он.

– Знаю я вас... Я всю страну объездил вдоль и поперек... Может быть, и был... и что?

– В начале девяностых, – уточнил я. – Девяностые, говоришь?

Мужчина призадумался на некоторое время. Через минуту он отрешенно произнес:

– Да, было дело... Откинулся я тогда да к корешам двинул... А тебе-то, капитан, что за интерес прошлое ворошить?

В его взгляде я увидел и ту девятку, и ту бравату, и то высокомерие... Это был он, призрак из девяностых!

– Мент не фраер, из пустого любопытства не станет нос в чужие дела совать. Мне это хорошо известно. Хотя я забыл, что вопросы здесь задаю не я... – приступ тяжелого кашля не дал ему продолжить. – Ты тогда, капитан, под стол пешком ходил, когда за мной менты по всей стране гонялись...

Он, видимо, хотел сказать что-то еще, но из-за кашля я ничего разобрать уже не смог. Я дождался, пока он успокоится, и ровным официальным тоном произнес:

– Если у вас нет желания, можете не отвечать на мои вопросы. Тем более, что дело то за сроком давности уже закрыто, так что...

– Ах, вот оно как, – голос мужчины стал заметно мягче. – За теньями из прошлого охотиться, капитан? Хм! Смотри: неблагодарное это дело... и небезопасное. Думаю, что многие

там паслись, так что лучше брось. Прошлого не воротишь, что было – то прошло... А что касается моих кентов – так это тебя вообще не касается... ни при каком раскладе... Они все в могиле... И мне туда пора... засиделся я здесь что-то...

От его последних слов повеяло могильным холодом. Я так и не установил его личность, а времени у меня оставалось совсем мало.

– Хорошо, не хотите говорить о деле, давайте просто поговорим...

– Просто даже кошки не рождаются... О чем это ты собрался со мной поговорить?

– Почему это вы сказали, что засиделись «здесь»? Сколько нам отмерено судьбой решать не нам...

– Почему засиделся? Да потому что ты меня не отпускаешь, – усмехнулся он.

– Не хотите говорить – не надо...

Я встал и сделал вид, что собираюсь выйти.

– Скажите хотя бы напоследок, что страшней смерти?

Мужчина явно не ожидал такого вопроса. Он удивленно посмотрел мне в глаза, хотел было что-то ответить, но очередной приступ кашля не дал ему этого сделать. Было видно, что он сильно болен.

– Может, воды?

Не имея возможности внятно ответить, он только кивнул головой. Я попросил дежурного принести воды. Выпив, он пришел в себя и немного успокоился.

– Ты за кого меня принимаешь! Фраера что ли нашел! Положением своим пользуешься?.. При чем тут смерть?

– Я вас считаю человеком, причем, как вижу, далеко не глупым, и меня интересует ваше мнение. Что касается моего вопроса – это не подвох... Скажите, что страшней смерти?

– Послушай, начальник, давай без формальностей... А то «вы» да «вы», типа уважаешь... Что же касается твоего вопроса, для начала ответь, с какой целью интересуешься?

– Ну что, без формальностей, так без формальностей. Я не из пустого любопытства... Мы хоть и по разные стороны, но все люди... – Волк менту не товарищ... Хотя я мог бы выразиться и жестче...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.